

Эмма Рудкевич

Развод с предателем.

Твоя мать украла мою жизнь
ради миллионов!

Эмма Рудкевич

**Развод с предателем.
Твоя мать украла мою
жизнь ради миллионов!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Развод с предателем. Твоя мать украла мою жизнь ради миллионов!
/ Э. Рудкевич — «Автор», 2026

В нашу третью годовщину свадьбы я нашла в сумке мужа договор дарения. Дмитрий подарил нашу квартиру своей матери! А через час свекровь позвонила мне со слезами: оказывается, я изменяла её сыну! Только никакого любовника у меня не было. Вскоре в интернете появились фотографии моей «измены», переписки и даже голосовые сообщения. Меня лишили заказов, денег и репутации. Муж назвал меня сумасшедшей и ушёл к мамочке. Но я выяснила страшную правду. Свекровь заказала подделки с помощью нейросети. А за разрушением нашего брака скрывались миллионы и преступная сделка. Теперь я верну своё имя. И заставлю предателей ответить за всё.

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эмма Рудкевич

Развод с предателем. Твоя мать украла мою жизнь ради миллионов!

Глава 1

Третья годовщина. Три года тишины, стерильной чистоты и моего ландшафтного дизайна в миниатюре — от клумбы у подъезда до орхидей на подоконнике. Я стояла на кухне, чувствуя запах свежемолотого кофе и легкого мускуса Дмитрия, который он оставил на своей рубашке, висящей на спинке стула. На блюде не осталось ни кофейного кольца. Дима терпеть их не мог. Я успела протереть стол ещё до того, как подумала: сегодня он мог бы сварить кофе мне. Годовщина всё-таки.

Дмитрий забыл ключи от машины дома. Обычная забывчивость для человека, живущего в режиме «вечного дедлайна». Я подошла к кровати, где лежала его дорогая кожаная сумка — тяжёлая; ручку я выбирала сама, чтобы не резала ему ладонь. Я заглянула в боковой карман: обычно он бросал связку туда. Пальцы наткнулись не на металл, а на плотный свернутый в трубочку лист бумаги, застрявший в боковом кармане. Я уже собиралась затолкнуть лист обратно. Он не любил, когда я трогала рабочие бумаги. Но край зацепился за кольцо ключей, и на стиге проступила нотариальная печать. Я вытянула бумагу. Под ней блеснули ключи; сунув связку в карман халата, я развернула лист. Бумага была холодной и жесткой. Я надеялась увидеть чеки из ресторана или визитку коллеги. Вместо этого перед глазами всплыла шапка документа: «ДОГОВОР ДАРЕНИЯ».

Мой взгляд скользнул вниз, выхватывая ключевые слова. Объект дарения: квартира площадью 145 квадратных метров, адрес... элитный ЖК в центре Москвы, где мы жили последние два года. Получатель: Марина Валентиновна К. Моя свекровь. Дата подписания: вчера. За двадцать четыре часа до нашей годовщины. В пункте о причинах сделки значилось: «В связи с личными обстоятельствами и необходимостью обеспечения безопасности близких родственников». Текст плыл перед глазами, буквы превращались в муравьев. Мозг отказывался верить. «Черновик», — шептал голос внутри. «Шутка юриста». «Опечатка». Но печать нотариуса была четкой, а подпись Дмитрия — узнаваемой до дрожи в кончиках пальцев. Он отвёз меня выбирать обои в эту квартиру, а вчера отдал её матери. Мне захотелось ещё раз посмотреть дату. Может, хотя бы день я прочла неправильно.

Руки затряслись так сильно, что документ выскользнул и упал на пол, раскрывшись веером. В этот момент телефон завибрировал, разрывая тишину спальни пронзительным звуком. На экране светилось имя «Марина». Я ответила, даже не думая о том, чтобы сказать «алло». Голос свекрови на другом конце провода был ломаным, истеричным, полным такого фальшивого горя, которое режет уши.

— Вера, родная! Прости меня... прости, если можешь! — всхлипывала она. — Дима сказал... он плакал всю ночь, Вера! Он говорил, что ты изменила ему с тем архитектором! Что ты разрушила всё! Я не могу так больше жить! Вы оба предатели!

Слова били наотмашь. Я открыла рот, чтобы возразить, спросить про договор, но Марина давила дальше, используя мою же доброту против меня. Она знала, как играть на жалости. Знала, что я никогда не стану обвинять мать своего мужа во лжи. Я наклонилась за договором и прижала телефон плечом к уху. «Архитектор». Имени она не назвала. Удобно: можно было подставить любого из тех, с кем я работала. Значит, речь уже не о квартире. Они готовили

почву. Чтобы выставить меня виновной в глазах всей семьи, друзей, клиентов. Чтобы я сама ушла, униженная и сломленная, отдав имущество «за неверность».

Я вышла на балкон, глотая морозный воздух, пытаюсь хоть немного привести мысли в порядок. Город внизу жил своей жизнью, равнодушный и огромный. И тогда я увидела его. Черный Mercedes с тонированными стеклами, припаркованный прямо у нашего подъезда. Внутри кто-то был. Тень за рулем. Ощущение слезки обожгло спину. Страх смешался с яростью. Кто они? Частные детективы Марины? Или люди того самого «архитектора», которого она только что придумала? Я не спряталась. Не отступила назад, в тени занавесок. Я достала телефон, пальцы дрожали, но я сделала шаг навстречу опасности, готовясь сфотографировать номер. Внезапно стекло в машине опустилось. Сердце пропустило удар. Я ждала угрозы, но вместо этого услышала дверь автомобиля, хлопнувшую о кузов.

Из машины вышел не охранник и не Дмитрий. Молодой курьер в форме службы доставки цветов, держащий в руках букет белых лилий. Белых. Траурных. Покаянных. Курьер запрокинул голову. Я стояла на балконе с телефоном, в домашнем халате; он опустил глаза первым. Не хотела, чтобы ещё и этот мальчишка жалел меня.

Пришлось спуститься к подъезду, не выпуская телефон из руки.

— От Дмитрия. Срочно. Только вам в руки, — сказал он тихо, протягивая тяжелый конверт из плотного картона.

Я забрала его. Курьер развернулся и ушел, не дожидаясь чаевых. Конверт был холодным, как камень в моей руке. Я вернулась в квартиру, закрыла входную дверь, отсекая город, и рванула картонную крышку. Внутри не было открытки с признанием в любви. Там лежала фотография. Дмитрий обнимает Марину в ресторане. Они смеются. Позади них висит баннер: «Помолвка Марины и Игоря Петрова». А на обороте, почерком моего мужа, написанном торопливо и неровно: «Прости. Я должен был защитить маму. Ты знаешь, как она больна. Не ищи меня».

Запах лилий стал невыносимым. Сладкий, душный, похоронный. Я вернулась в кухню. Идеальная чистота, которую я поддерживала годами, теперь казалась маской лицемерия. Кот Барсик мурлыкал, требуя еды, трогая лапой мой халат. Привычка тянула обратно в роль «хорошей жены»: покормить зверя, убрать лилии, позвонить мужу, потребовать объяснений. Но тошнота подкатила к горлу. Запах их общего парфюма, который я чувствовала на рубашке, теперь вонял ложью. Я открыла холодильник. Там стоял торт, который я заказала на вечер. Шоколадный, с клубникой. Мой подарок нам обоим. Я взяла нож. Праздновать было нечего. Я начала резать торт на мелкие куски, методично, с остервенением, выбрасывая сладкую массу в мусорное ведро. Затем схватила чемодан. Начала собирать вещи. Одежду, документы, книги. Барсик жалобно мяукал у моих ног; я остановилась, насыпала ему корм и поставила рядом с чемоданом переноску.

Звонок в дверь раздался ровно в тот момент, когда я застегнула молнию на чемодане. Звук был оглушительным. Я открыла дверь. На пороге стоял Дмитрий. Выглядел он уставшим, но уверенным. Его глаза пробежали по моему лицу, затем остановились на чемодане. Он усмехнулся, той самой улыбкой, которой учил меня быть покорной три года назад.

— Опять истерики? — спросил он, входя в прихожую и пытаясь забрать у меня ручку чемодана. Физически блокируя выход. — Мама говорила, ты будешь скандалить из-за пустяков. Давай обсудим это спокойно. Я купил тебе новый шарф. Синий, как ты любишь.

Шарф. Он запомнил цвет, но не запомнил, что я перестала носить синий два года назад: в нём лицо становилось серым. И теперь тянул мой чемодан к стене, где ему полагалось стоять. Дима уже видел наш вечер: я надена подарок, извинюсь за тон, мы разрежем торт. Торт был в мусоре.

Я молча достала телефон. Нажала кнопку записи. Экран засветился красным. Дмитрий замер, его рука все еще сжимала ручку чемодана.

— Ты подарил квартиру матери, — сказала я тихо, глядя ему прямо в глаза. На слове «квартиру» я почти сорвалась. Сделала паузу, чтобы запись получилась разборчивой. — А мне прислал фото с помолвки. Ты думаешь, я дура?

Дмитрий побледнел. Он посмотрел на экран. Большой палец сполз с ручки чемодана; остальные пальцы держали её ещё крепче.

— Откуда ты... — начал он, но запнулся.

— Из договора, который ты забыл в сумке. И из звонка твоей мамы, которая уже успела сообщить всем нашим друзьям, что я изменяю тебе с архитектором, — продолжила я, делая шаг назад, освобождая руку.

От его заминки перехватило дыхание. Похоже, Дмитрий не ожидал, что Марина уже позвонила мне. Он рассчитывал, что до обвинений дело ещё не дошло. Они действовали несогласованно. Свекровь играла свою игру, пытаясь получить контроль над имуществом через фиктивную измену невестки. Муж играл свою, пытаясь уйти «тихой сапой», оставляя меня с чувством вины за «помощь» больной матери. Я привыкла согласовывать проекты, где каждый подрядчик прикрывал свою ошибку чужой. У них сейчас была такая же трещина: мать уже обвиняла, а сын ещё приносил шарф. Пока они не сверили версии, я могла вклиниться между ними. Телефон оставила включённым.

Дмитрий сделал шаг назад, спотыкаясь о порог прихожей. Впервые за три года брака я увидела в его глазах не раздражение, не скуку, а первобытный, животный страх. Он осознал, что потерял рычаг управления. Я вырвала у него ручку чемодана. Колёсики стукнули о порог, громко, четко, как судейский молоток. Он потянулся вслед за чемоданом, но остановился у порога. Я не отступила, хотя колени сводило. Барсик мяукнул из кухни. До кухни ещё нужно было дойти — и не выключить запись.

Глава 2

Дмитрий открывал шкафы один за другим. Скрипела дверца, которую он обещал починить ещё зимой. Я слышала этот скрип и почему-то злилась на дверцу: замолчи, дай мне понять, что он забирает. Дима поглядывал на часы — у матери всё ещё было важнее, чем здесь.

Дмитрий методично, с педантичностью архитектора, укладывал в кожаный портфель папки с чертежами. Бумаги шуршали, словно змеиная кожа. Одна за другой. Флешки. Дискеты, которые мы забыли выбросить лет пять назад. Всё это исчезало внутри чёрной кожи, оставляя на столе пустоту, похожую на пробоину в корпусе корабля.

— Дима, — мой голос звучал чужеродно, скрипуче. Я стояла посреди комнаты, чувствуя, как колени предательски подгибаются. — Что ты делаешь? Ты забираешь мои работы. Твои клиенты... они же придут завтра за макетами парка.

Он даже не поднял глаз. Просто сунул последнюю папку в сумку, застегнул молнию со звуком «вжик», который резанул по нервам острее ножа.

— Мне нужно время, Вера. У меня нервный срыв. Маме звонили, сказали, что ты угрожаешь ей расправой. Я не могу сейчас заниматься бизнес-процессами.

— Она врёт! — крикнула я, и сама испугалась собственной истерики. — Это подстава! Договор дарения...

— Не начинай, — он резко выдохнул, схватив ручку сумки. Его лицо было каменным, но в глазах плескалась тошнотворная смесь вины и раздражения, которую я ненавидела больше всего. Он старательно не смотрел на папку с моей фамилией. Зато прижал её сверху ладонью, прежде чем застегнуть сумку. Бедный, измученный сын. Моими чертежами мать утешать собрался?

Я сделала шаг навстречу, инстинктивно хватая его за рукав куртки. Ткань была грубой, дорогой. Под пальцами проступила дрожащая мышца его предплечья.

— Посмотри на меня! Скажи честно: ты забрал договор? Тот самый, который был в твоей сумке сегодня утром?

Дмитрий дёрнулся так сильно, что я едва не потеряла равновесие. Но он не просто вырвался. Он толкнул меня плечом. Жёстко, без замаха, просто разворачиваясь к двери.

Моя спина ударила об стену с глухим хлопком. Воздух вышибло из лёгких. На секунду перед глазами замелькали искры, а в ушах зазвенело. Рёбра отозвались на каждый короткий вдох. Я упёрлась ладонью в стену, чтобы он не увидел, как меня качнуло. Ведь теперь он мог сказать матери: «Она сама набросилась».

Он не ударил меня. Хуже. Он убрал меня. Как помеху. Как предмет интерьера, который мешал пройти.

Дмитрий посмотрел на меня сверху вниз, тяжело дыша. В его взгляде не было ни раскаяния, ни боли. Только досада. словно я сломала ему дорогой инструмент.

— Ключи, — сказал он хрипло. — От машины. Это семейное имущество. Маме нужно будет ехать в клинику, а у неё нет прав после операции на сердце.

Мои пальцы сами собой сжались в кармане халата. Холодный металл ключей врезался в ладонь, впиваясь острыми гранями. Я нащупала на брелоке скол. Мы уронили его в день, когда въехали сюда; Дима тогда смеялся, что дом уже требует ремонта.

Я медленно достала их. Посмотрела на связку, где висел брелок в виде маленького дома, который мы купили вместе три года назад. Дом, который теперь был тюрьмой.

— Бери, — сказала я тихо.

И бросила ключи ему под ноги. Звяканье о ламинат прозвучало как приговор.

Дмитрий замер, глядя на блестящие предметы у своих туфель. Потом перевёл взгляд на моё лицо. Я не плакала. Я смотрела на него так, как смотрят на дохлую муху на подоконнике. С презрением и любопытством.

— Помни, где ты был вчера вечером, — добавила я, прежде чем он успел сказать хоть слово. — И кто именно давал тебе эти духи. Те самые, сладкие, приторные, от которых тошнит.

Его челюсть напряглась. Он хотел ответить, хотел соврать, оправдаться, но язык, кажется, присох к нёбу. Вместо слов он лишь переступил с ноги на ногу, схватил ключи с пола и потянулся к дверной ручке.

Дмитрий открыл дверь, и Барсик выскочил в прихожую, к порогу.

Наш мейн-кун, огромный рыжий пушистый ком, всегда встречавший хозяев громким «мяу» и требующий внимания. Сегодня он не мяукал. Он шипел. Низко, гортанно, обнажая клыки. Его хвост распушился, став похожим на бутылочную щётку. Он блокировал выход, понимая, что происходит что-то неправильное. Инстинкт зверя был честнее инстинкта человека.

— Барсик, на кухню, — позвала я, сделав шаг к коту, чтобы увести его в безопасную зону кухни.

Но Дмитрий опередил меня. Ему было некогда возиться с животными. Ему нужно было бежать.

Он грубо, почти небрежно, отпихнул Барсика носком ботинка. Кот взвизгнул — короткий, пронзительный звук боли и непонимания — и отлетел в сторону, натолкнувшись на ножку журнального столика. Его лапы затряслись, глаза расширились от ужаса.

Дмитрий даже не оглянулся. Он шагнул через порог, хлопнув дверью так сильно, что с потолка посыпалась штукатурка. Щелчок замка. Тишина.

Он мог бы хотя бы обернуться. Барсик вскрикнул, я тоже — он слышал. Дима только дожал дверь. Я смотрела на её нижний край и вспоминала, как мы выбирали корм котёнку, сравнивая составы, будто от этого зависело счастье всей семьи.

Я осталась стоять посреди гостиной. Шум в голове постепенно стих, заменяясь гулом тишины. Открытые шкафы зияли пустотой, как выпотрошенные тушки. Бумаги лежали хаотичными стопками, некоторые валялись на полу, помятые. В воздухе всё ещё витал чужой запах — дешёвый синтетический парфюм свекрови, которым пахла сумка Дмитрия, когда я нашла договор.

Меня начало трясти. Мелкой дрожью, которая переходила в крупную. Колени не держали. Я рухнула на пол, прямо на холодный ламинат, и поползла к Барсику.

Кот сидел у стены, прижав уши, и жалобно мяукал. Я обняла его, прижимая тёплую, дрожащую шерсть к щеке. Его сердце билось быстро, часто, как маленький моторчик.

— Прости, малыш, — прошептала я, и слёзы наконец прорвались. Они жгли глаза, стекали по подбородку, капали на рыжую шерсть. — Прости, что я не защитила тебя. Прости, что я не заметила, какой он...

Паническая атака накрыла волной. Комната начала сужаться, потолок давить на голову. Я задыхалась, глотая ртом воздух, который казался слишком густым. Мне хотелось кричать, но горло перехватило судорогой.

В этот момент телефон в кармане завибрировал. Один раз. Второй. Третий.

Ритмичный, настойчивый сигнал, пробивающийся сквозь туман моих страданий.

С трудом отцепив от себя Барсика (он остался сидеть рядом, трогая мою руку своим носом), я достала телефон. Экран светился в полутьме гостиной.

Сообщение от неизвестного номера. Или скорее от знакомого контакта, который я почему-то не сразу распознала. Это был Сергей, мой бывший коллега, человек, которого я считала другом. Тот, кто недавно отказался давать мне рекомендации для нового проекта, сославшись на занятость.

Я открыла фото.

Это был скриншот переписки в Telegram. Дата: сегодня. Время: 14:32. То есть час назад, когда я ещё думала, что мы просто обсуждаем развод.

Собеседник Дмитрия назывался «Марта». Фото профиля — абстракция, но стиль общения был узнаваем.

Глава 3

Дмитрий: «Она ничего не поймет. Вера слишком мягкая, она верит в "любовь", пока её не поставят перед фактом. Главное — не дать ей доступ к документам по тендеру на Западную эстакаду.»

Марта: «А если она подаст на раздел?»

Дмитрий: «Мать уже подготовила почву. Клевету про измену запустим в закрытый чат знакомых. Социальная смерть быстрее юридической. Ей придётся уйти из города, чтобы не видеть эти комментарии. Активы останутся здесь. Мы заберём всё через фиктивный брак Марины с третьим лицом, потом разведёмся. Чисто. Красиво.»

Я перечитала это дважды. Трижды.

Я увеличила скриншот, чтобы не пропустить ни строчки. Телефон пару раз ткнулся мне в подбородок: ладонь всё ещё тряслась. Но теперь хотя бы было на что смотреть, кроме закрытой двери.

В переписке не было ни одной ревнивой фразы. Зато «тендер», «активы», «раздел». Я провела пальцем по слову «всё». Значит, и те деньги, которые я откладывала на своё бюро.

«Измена» была нужна не для того, чтобы увести мужа от жены. Она была инструментом дискредитации. Профессиональной репутации Веры-ландшафтника, которая «не может контролировать семью» и потому «ненадёжна для крупных инвесторов». Меня хотели сделать расходным материалом в корпоративной войне за контракты на благоустройство центра Москвы.

Я посмотрела на сообщение снова. На имя «Марта». На фразу «заберём активы».

Серёжа видел, с кем Дима переписывался. И прислал мне это только после того, как документы уехали. Благодарить его хотелось через зубы.

Я напечатала ответ. Медленно, тщательно подбирая слова, проверяя орфографию, потому что ошибка в таком письме может стоить свободы.

«Спасибо за информацию, Серёж. Я всё поняла. Передай привет Марте. И скажи Диме, что его план сработает только если он успеет убежать раньше, чем я найду след.»

Отправка.

Звук отправленного сообщения прозвучал как выстрел стартового пистолета.

Я встала с пола. Ноги были крепкими, уверенными. Барсик посмотрел на меня снизу вверх, ожидая команды.

— Идём, — сказала я ему. — Нам нужно кое-что найти.

Я прошла в прихожую. Там, над зеркалом, висела полка, где мы хранили всякую мелочь: запасные батарейки, старые чеки, визитки. Дмитрий никогда туда не заглядывал. Он считал это место для «женского барахла».

Я взяла влажную салфетку из косметички, которая валялась на тумбочке. Стёрла слой туши, размазанной слезами. Стерла тональный крем, маскирующий бледность. Стерла помаду, которая должна была выглядеть «потрёпанной жизнью».

Передо мной в зеркале появилось лицо. Голые скулы, красные глаза, но взгляд... Взгляд изменился. Нижняя губа распухла: я искусала её, пока читала. Даже без помады видно. Подбородок подняла выше — так легче было произнести в телефон свою фамилию.

Я достала телефон и набрала номер, который давно рекомендовал мне один юрист, специализирующийся на сложных бракоразводных процессах и экономических преступлениях. Номер частного детектива Арсения.

Гудки шли долго. Наконец, голос, низкий и спокойный:

— Слушаю.

— Арсений, это Вера Волкова. Мне нужен полный разбор финансовой истории моего бывшего мужа и его матери за последние пять лет. И я хочу знать, кто такая эта «Марта».

— Дорого, — ответил он, не задавая лишних вопросов.

— Знаю, — сказала я, глядя на своё отражение. — Но у меня есть то, чего нет у них. Правда. И время.

Я повесила трубку.

Арсений сказал «дорого», и я вспомнила остаток на своём счёте. Хватит ли на аренду после его работы? Проверить нужно было сейчас, пока Дмитрий считал, что забрал весь архив.

Я посмотрела на пустой шкаф, где лежали мои дипломы и портфолио. Теперь они были у Дмитрия. Я потянулась закрыть дверцу, но оставила её открытой. Потом — чемодан, переноска, ещё один звонок. Пусть считают, сколько папок им досталось. Я уже считала, какие копии они забыли.

Кофе остыл, пока Артём спрашивал о смете. На языке осталась горечь; я запила её водой, чтобы не кашлянуть посреди своей же презентации. Я сидела напротив Артёма, директора по продажам ЖК «Патриаршие пруды», и чувствовала, как мои пальцы впиваются в край пластикового меню. На столе лежала распечатанная копия моего портфолио — лучший проект за пять лет, с которым я собиралась вернуть себе жизнь.

Артём вежливо улыбался, но его глаза бегали. Он не смотрел на рендеры, где мой дизайн превращал серый двор в оазис тишины. Он смотрел на телефон, лежащий экраном вниз. Вибрация разрезала воздух тихо, но для меня это прозвучало как выстрел.

— Артём, цифры говорят сами за себя, — начала я, стараясь держать голос ровным, хотя внутри всё дрожало от холода. — Мы можем снизить затраты на уход на тридцать процентов за счет...

Он поднял руку, останавливая меня. Его лицо изменилось: улыбка сползла, оставив после себя каменную маску. Он быстро схватил телефон, скользнул большим пальцем по экрану и тут же убрал его обратно. Слишком резко. Слишком виновато.

— Вера, нам нужно перенести встречу, — сказал он сухо. Голос стал чужим, безразличным. — У нас... внутренние совещания. Срочные.

— Мы договорились час назад, — я почувствовала, как к горлу подступает ком. — Я специально приехала пораньше. Портфолио готово. Я могу отправить материалы почтой или встретиться вечером.

Артём покачал головой. Он отодвинул моё портфолио на ширину ладони. Не посмотрел ни на стоимость, ни на срок окупаемости.

— Марина Валентиновна просила передать, что вы эмоционально нестабильны. Она боится, что вы навредите объекту своим состоянием. Извините.

Имя свекрови повисло в воздухе, тяжелое и душное, как запах дешевой парфюмерии. Эмоционально нестабильна. Они даже не потрудились придумать причину получше. Для них я была уже не дизайнером Верой Волковой, а помехой, которую нужно удалить из системы.

Я сжала челюсти так, что заныли зубы. Стыд обжигал щеки, но я заставила себя встать. Медленно. Достоинно.

— Спасибо за честность, Артём.

Когда я вышла из кофейни, мир вокруг замер. Официант у барной стойки отвернулся, делая вид, что протирает стакан. Посетители у окна, те самые архитекторы и девелоперы, которые еще вчера жали мне руку, сейчас изучали свои телефоны с таким усердием, будто там была написана истина вселенной. У одного на экране мелькнула моя фотография. Он повернул телефон к столу. Я прошла мимо, не дав ему насладиться тем, как остановлюсь и спрошу: «Что там?»

Вечер наступил слишком быстро. Моя снятая однушка пахла сыростью и одиночеством. Кот Барсик крутился под ногами, требуя внимания, но я лишь машинально насыпала ему корм и села за ноутбук. До следующего платежа за квартиру оставалось меньше, чем до конца любого

нормального проекта. Нужен был маленький заказ. Пусть даже две кадки у входа — я бы взялась.

Я открыла рабочий мессенджер. Закрытый чат «Архитекторы Москвы». Там были все: бывшие коллеги, потенциальные партнеры, клиенты. Я хотела написать письмо новому застройщику, который игнорировал мои звонки последние две недели. Но экран залило белым светом уведомлений.

Глава 4

Кто-то скинул пачку скриншотов. Мои переписки с Дмитрием трехлетней давности. Фрагменты, вырванные из контекста, искаженные до неузнаваемости. Там была фраза Димы: «Мама права, ты слишком много хочешь». А ниже, крупным шрифтом, сообщение от Марины Валентиновны: «Бедный мой сын. Как же ему тяжело с такой женой. Выгнали меня из дома, а он теперь боится ночевать один. Помогите мне найти для него нормальную женщину, которая не будет пить и скандалить».

Мои руки затряслись. Пить? Скандалить? Я никогда не позволяла себе ни капли алкоголя, если это могло повредить моей концентрации. Я строила карьеру на точности и дисциплине. А она лепила из меня истеричку-алкоголичку.

Я ткнула пальцем в поле ответа. Хотела кричать. Хотела оправдываться. Хотела сказать: «Это ложь! Это манипуляция!» Но кнопка «Отправить» была серой. Администратор чата — друг детства Марины — заблокировал мой доступ. Меня просто вычеркнули. Прочитать грязь о себе я могла. Ответить — уже нет. Марина заранее позаботилась и об этом.

Я пересчитала непрочитанные сообщения от клиентов. За день их стало меньше — люди даже отказывать перестали. Марине не требовалось побеждать меня в суде. Достаточно, чтобы я не могла оплатить следующий месяц и сама свернула работу.

Телефон завибрировал. Лена. Единственная подруга, которая осталась вне орбиты влияния Марины. Я схватила трубку, словно спасительную соломинку.

— Лен, ты видела? Ты знаешь, что они делают?! — выпалила я, чувствуя, как слезы, которых я не допускала весь день, рвутся наружу.

Тишина. Потом шепот, дрожащий и тихий:

— Вера... я не могу с тобой говорить.

Сердце пропустило удар.

— Что? Почему?

— Мне звонила Марина, — голос Лены сорвался на всхлип. — Она сказала, что если я буду общаться с «наркоманкой», она лишит моего мужа контракта на отделку их нового офиса. Там вся зарплата, Вера. У нас ипотека. Дети.

Я закрыла глаза. Боль от предательства близкого человека оказалась сильнее, чем ненависть к врагам. Я знала сумму их ипотеки. Мы с Леной считали её на кухне, пока дети рисовали на обороте рекламной листовки. Сейчас хотелось бросить: «А мне где жить?» Но её всхлип заставил стиснуть зубы. Она хотя бы позвонила сама.

— Прости, — прошептала Лена и сбросила вызов.

Я всё ещё держала телефон у уха, когда Барсик боднул носом моё колено. В кухне была только одна чашка. Вторую я не купила — думала, Лена принесёт свою любимую, когда придёт.

В дверь позвонили. Резко, настойчиво. Я вздрогнула. Кто это может быть в десять вечера? Полицейские? Судебные приставы?

Я подошла к глазку. На пороге стоял курьер. Рядом с ним — дорогая подарочная коробка с лентой. Я открыла дверь, настороженно глядя на него.

— Подпись, пожалуйста. От «Клуба жен архитекторов».

Я забрала коробку, не спрашивая зачем. Внутри, среди шелестящей бумаги, лежала бутылка шампанского и открытка плотного картона. Текст был набран печатными буквами, аккуратными и холодными:

«Мы поддерживаем Марину Валентиновну. Просим вас покинуть район, пока мы не вызвали полицию для проверки вашей адекватности. Ваш питомец может быть опасен».

Страх сменился яростью. Они тронули Барсика. Живое существо, единственное, что осталось у меня верным и бескорыстным. Руки задрожали, но я не заплакала. Я взяла коробку

и с силой швырнула её в мусорный пакет. Шампанское разбилось, желтая жидкость смешалась с кофейной гущей.

Звонок в дверь повторился. Уже не звонок курьера. Знакомый ритм. Короткий. Два длинных.

Я не сразу поняла, кто это. Дмитрий.

Он стоял в мокром пальто, вода стекала с плеч на пол подъезда. Лицо бледное, губы сжаты в тонкую нитку. Глаза загнанного зверя, который чувствует капкан на шее. Он не вошел. Только говорил сквозь щель, которую я приоткрыла, держась за ручку.

— Она обещала дать мне квартиру, если я разведусь с тобой официально и публично, — его голос хрипел. — Я не могу больше терпеть этот цирк, Вера. Ты специально всё усложняешь! Ты хочешь, чтобы я стал нищим?! Мама говорит, что ты манипулируешь мной через чувство вины!

Я смотрела на него. На этого человека, которого любила семь лет. И видела только инструмент. Слабовольную куклу, которую дёргают за ниточки.

— Дима, посмотри на меня, — сказала я тихо. — Тебя используют. Она использует тебя.

— Заткнись! — он ударил кулаком в стену рядом с дверью. Грохот эхом пронёсся по коридору. — Ты ничего не понимаешь! Я заберу кота! Он мой! Это мое имущество!

Щелчок замка. Дверь закрылась перед его носом.

За стеной послышался глухой удар. Потом крик, приглушенный бетонной преградой. Я проверила защёлку ещё раз и оттащила от двери переноску. Кота он не увидит. Пусть кричит на площадке столько, сколько хватит соседям терпения.

Ночь прошла в тревожном полуобмороке. Я не спала, сидя на кухне и глядя в темноту окна. Когда рассвет начал пробиваться сквозь шторы, телефон снова ожил.

Уведомление от банка. Красный значок ошибки.

«Ваши счета заморожены. Причина: Подозрение в отмывании средств через фиктивные договоры на ландшафтный дизайн».

Прикрепленный документ — акт выполненных работ. Сумма, которую я никогда не получала. Дата подписи.

Я увеличила документ на экране. Паника подступила к горлу, перехватывая дыхание. Полиция. Страх. Бессилие. Я бегала по комнате, собирая оригиналы договоров, пытаюсь понять, откуда взялась эта грязь.

Но когда я посмотрела на подпись в углу акта, время остановилось.

Это была не машинопись. Это была рука. Почерк был неровным, с характерным наклоном влево и специфической петлей в букве «д». Я узнала его мгновенно. Это почерк Гали, личной секретарши Марины Валентиновны. Той самой женщины, которая всегда стояла за спиной опереттной дивы, подавая ей платки и заказы.

Значит, в банк попал поддельный акт с моей фамилией. Кто его отправил и почему ему поверили — это ещё предстояло выяснить.

Акт был составлен так, будто я уже получила деньги. Я пересчитала нули, потом ещё раз. Этой суммы не было даже в лучших моих договорах. С таким листом меня можно было лишить не только заказов.

Сохранила акт отдельно от рабочих папок. Название дала без эмоций: дата, сумма, фамилия Гали. Пусть утром я растеряюсь — по названию всё равно найду.

Из-под кухонного стола раздался тихий шорох. Барсик выбрался из укрытия и потёрся о мой голеностоп. Дмитрий так и не добрался до него. Кот был здесь, со мной, в нашей крепости из обоев и страха.

Телефон вспыхнул новым сообщением. Незнакомый номер. Никаких подписей. Только текст:

«Если хотите жить спокойно, отдайте портфолио проекта "Горный парк". Оно нужно не вам. Оно нужно мне. — И.»

Я уставилась на буквы. Игорь Петров, жених Марины? Или кто-то, кто нарочно оставил этот инициал, чтобы я подумала о нём?

Барсик тёрся о мою ногу, мурлыча, требуя тепла. А я смотрела в экран, чувствуя, как пульс отдаётся в висках. Игра только начиналась.

Глава 5

Стеклянные двери бизнес-центра «Гранд» отразили моё лицо — с полоской консилера у носа: я размазала его пальцем в такси и не заметила. Я прижала к груди папку с макетами парка «Заречье». Внутри лежали три месяца моей жизни, сотни часов бессонницы, каждый корень, каждый изгиб дорожки, выверенные до миллиметра. Вчера я ещё меняла там шаговые плиты, чтобы между ними не застревали колёса детских колясок. Артём мог отказаться от меня, но пусть сначала посмотрит, за что отказывается платить.

Я шагнула внутрь, чувствуя холод кондиционированного воздуха на разгоряченной коже. Секретарь на ресепшене, девушка с идеально уложенными волосами и скупающим взглядом, даже не подняла головы.

— Добрый день, Вера Волкова. У меня встреча с директором по развитию, Артём Сергеевичем, — сказала я ровно, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Она медленно подняла глаза. Взгляд скользнул по мне, как щупальце, оценивая моё помятое пальто и папку с загнутыми углами.

— Артём Сергеевич занят. Перенос встречи, — бросила она, возвращаясь к монитору.

— Мы договаривались на одиннадцать утра. Я здесь за десять минут до назначенного времени. Позовите его лично. Или дайте телефон.

Секретарь улыбнулась. Криво, маслянисто.

— Совещание, Вера Андреевна. Закрытое. Вы можете подождать в холле. Если вас примут.

«Если». Не «когда». Слово повисло в воздухе, тяжелое, как кирпич. Я почувствовала, как внутри всё сжалось в тугую узел. На кресле для посетителей лежала чужая сумка. Даже сесть мне не предложили. Стоять перед стойкой с папкой на груди? До обеда?

Я развернулась на каблуках, скрипнув кожей о полированный мрамор пола, и пошла прочь. Руки дрожали так сильно, что папка едва держалась в пальцах.

В коридоре второго этажа, ведущего к переговорным, я столкнулась нос к носу с Лешей Карповым. Мой бывший коллега, архитектор, с которым мы вместе пили кофе в этой самой кофейне напротив всего неделю назад. Он узнал меня мгновенно. Его лицо исказилось, словно он увидел привидение.

Леша попытался отвернуться, делая вид, что рассматривает плакат с рекламой недвижимости, но я схватила его за локоть. Ткань его костюма была дорогой, мягкой.

— Леша, — прошептала я. — Почему они не пускают? Что происходит?

Он отдернул руку, будто я обожгла его. Оглянулся по сторонам, проверяя, нет ли свидетелей. Потом приблизился, понизив голос до шороха:

— Марина Валентиновна звонила всем, Вера. Каждому подрядчику, каждому клиенту Дмитрия. Ты теперь... токсичная. Психически нестабильная. С тобой работать нельзя. Репутационный риск.

Он сказал это быстро, механически, как заученную фразу, и, не дожидаясь ответа, скрылся за дверью кабинета, оставив меня стоять посреди стерильного коридора.

Токсичная. Лёша вместе со мной сдавал проект в три ночи, ел холодную пищу прямо с крышки коробки. Сейчас он даже не спросил, что случилось. Я провела ладонью по рукаву там, где держала его: будто он оставил на ткани эту гадость.

Телефон в кармане завибрировал. Затем ещё раз. И ещё. Экран вспыхивал именами людей, которых я знала пять лет, десять лет. Бывшие партнеры. Клиенты. Даже те, кто никогда не платил вовремя.

«Аванс по договору №402 должен быть возвращен в течение 24 часов».

«Уведомление о расторжении контракта в связи с репутационными рисками».

Звонки сыпались, как град. Я не отвечала. Не могла. Я попыталась сглотнуть, но язык прилип к нёбу. Я нырнула в ближайший туалет, захлопнула дверь кабинки и сползла на пол, упираясь спиной в холодный металл.

Потолок плыл перед глазами. Я достала флакон духов — единственный предмет роскоши, который остался со мной после того, как Дмитрий забрал все документы и деньги. Он выскользнул из потных пальцев и разбился о кафель. Аромат горького апельсина и сандала ударил в нос, резкий, почти физически болезненный. Запах чужого дома, чужой жизни. Я сидела в луже аромата и собственных слез, слушая, как за стеной кто-то моет руки, и считала швы между плитками. Пятый, шестой. Нужно встать, пока кто-нибудь не решил заглянуть под дверь.

Когда я вышла, мир стал серым и плоским. На стоянке, где я вчера оставила свой старый «Рено», стояла черная «БМВ». Моё единственное неоспоренное имущество было видно за её капотом. Машину блокировали. Прямо перед капотом, заглушив мотор, сидел жених Марины Валентиновны. Игорь Петров. Высокий, с наглыми глазами и сигаретой в зубах.

Он заметил меня и усмехнулся, сплюнув окурочку прямо на мою машину. Пепел рассыпался по лобовому стеклу.

— Убери свою тачку, пока я не вызвал эвакуатор, — бросил он, даже не повышая голоса. — И передай своему бывшему, что его мать права. Ты истеричка. Наводишь порчу на людей.

Я открыла рот, чтобы ответить, но увидела, как через окно соседнего офиса кто-то снимает видео на телефон. Красная точка записи. Свидетели уже есть. Любой мой крик будет использован против меня как доказательство неадекватности.

Я молча села в такси. Хлопок двери прозвучал как выстрел. Пока машина трогалась, я видела, как Игорь Петров показывает своим друзьям на телефоне запись, смеясь. Смех долетал до меня, тонкий и злой. Он с удовольствием приблизил на экране мою спину. Я уже видела подпись, которую поставят под роликом: «Сбежала». Попросила таксиста ехать быстрее.

Такси довезло меня до окраины, к дому дальней родственницы, у которой я снимала однушку последние две недели. Подъезд пах мокрой штукатуркой и чужими обедами. В почтовом ящике, обычно пустом, было набито рекламных буклетов конкурентов. «Лучшие дизайнеры Москвы!», «Экологичный подход!». Я вытряхнула их на коврик в прихожей, и там, среди глянцевого бумажного, лежал конверт без марки. Просто белый квадратик, засунутый в щель для писем кем-то, кто знал адрес.

Сердце пропустило удар. Я вскрыла его в темноте кухни, включив только подсветку вытяжки.

Внутри была распечатка переписки из мессенджера. Дата: вчера. Отправитель: Дмитрий. Получатель: Мама.

Текст был коротким, сухим, как приговор: «Она всё равно ничего не докажет. Просто дави. Юристы подтвердили, что её активы заморожены. Она задыхается.»

«Задыхается». Сын сообщал матери, как идут дела. Обо мне — так, словно меня можно было измерить остатком денег и количеством пропущенных звонков. Я расправила стиг листа. Хотел ли неизвестный помочь или только добить, эту строчку я им ещё покажу.

Я попробовала последний вариант. Владимир Семенович. Владелец небольшого кафе на Патриках, которое я оформляла два года назад. Человек простой, прямой, ценивший эстетику. Может быть, он даст мне хоть какую-то работу. Дизайн террасы, меню, что угодно.

Набрала номер. Гудки шли долго. Наконец, тишина. Занято. Я перезвонила. Снова занято. Через час пришло SMS с незнакомого номера, но я узнала интонацию Владимира по одному слову:

«Извини, Вера. Жена боится, что ты принесешь дурную славу. Мы нашли другого дизайнера. Не держи зла.»

Я посмотрела на экран. Удалять контакт было больно, как рвать живую ткань. Но я сделала это. Для его террасы я выбирала растения, которые не погибнут без ежедневного полива.

Бесплатно переделала схему, когда он сменил мебель. Теперь он боялся моей фамилии больше, чем засохших кадок. Удаляя контакт, я промахнулась по кнопке — и разозлилась уже на себя.

Вечер опускался на город, заполняя квартиру синевой сумерек. Я сидела на полу гостиной, окруженная чертежами, которые никому не были нужны. Парк «Заречье» лежал передо мной, идеальный, живой, полный зелени, которой больше не будет. На плане ещё стояла дата сдачи. Я закрыла её краем ладони. Лучше было смотреть на кустарники: они пока не знали, что я им больше не нужна.

Раздался стук в дверь. Три удара. Ровных, уверенных.

Я вздрогнула. Курьер? Сосед, который снова хочет жаловаться на шум? Или кто-то из «токсичных»?

Не вставая, я позвала:

— Кто там?

Тишина. Потом еще три удара. Более настойчивые.

Я встала, ноги затекли, тело ныло от холода пола. Подошла к двери. Посмотрела в глазок.

За дверью стоял мужчина. Строгое темно-синее пальто, воротник поднят, несмотря на теплую погоду. Лицо было частично скрыто тенью подъезда, но я видела скулы, жесткие, как гранит. Он не переминался у двери и не торопился стучать снова. Ждал, глядя прямо в глазок. Будто знал, что я уже здесь и раздумываю.

Открывать или нет? Инстинкт кричал «беги», но любопытство — искра, которая не гаснет даже в пепле, — заставило повернуть замок.

Дверь распахнулась.

Мужчина шагнул внутрь, не спрашивая разрешения. Он был выше меня, шире в плечах. Пахло от него табачным дымом и чем-то металлическим, холодным, как снег.

— Вы Вера Волкова? — спросил он. Голос низкий, бархатный, с хрипотцой, которая вибрировала где-то в грудной клетке.

Я кивнула, не в силах произнести ни слова.

Он протянул мне папку. Темную, плотную, перевязанную тесьмой.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов о финансовых потоках компании вашего мужа, — сказал он, глядя мне прямо в глаза. В его взгляде не было жалости. Только внимательный, изучающий расчет. — Но сначала — выпейте чаю. Вы бледная.

Я не взяла папку сразу. Мои пальцы замерли в воздухе. Опасность исходила от этого человека, как тепло от огня. Но внутри этой опасности чувствовался интерес. Настоящий. Не праздный.

— Откуда вы знаете, где я живу? — спросила я хрипло.

Он чуть наклонил голову, угол рта дернулся в подобии улыбки.

— Следовательно всегда найдёт, где задать вопрос.

Он положил папку на стол рядом с моими чертежами парка. Сверху легла визитка. Белая, минималистичная. Только номер телефона и одно слово: «Следователь». Никакого имени. Никакой должности.

Я посмотрела на него. Потом на закрытую дверь, за которой осталась Москва, отвернувшаяся от меня. Я убрала со стола чертежи, чтобы его папка не намочила в кофейном пятне. Вопросы. Наконец кто-то пришёл с вопросами, а не с готовым мнением обо мне. Пусть спрашивает. Мне было что ответить.

Глава 6

Суд рассматривал ходатайство об аресте активов Дмитрия. До приговора было далеко, но я знала: если деньги сейчас уйдут, возвращать будет нечего.

Свет в коридоре здания суда был больно белым, стерильным, как операционная. Я стояла перед дверью зала заседаний №4, чувствуя, как ладони становятся влажными от холодного пота. В сумке остались обломки сухого печенья — утром я не смогла проглотить даже половину. Зато бумаги проверила три раза. Фамилия, номер дела, дата. Секретарю достаточно моей помятой куртки; документы пусть будут безупречны.

— Проходите мимо, гражданка. Заседание закрытое. Список участников утвержден судьей, — секретарь, пухлая женщина с усталыми глазами, даже не подняла головы от монитора.

Я не двинулась с места. Медленно достала из сумки распечатку нормативного акта о праве потерпевших на ознакомление с материалами дела до начала слушаний. Бумага была смята, но текст читался четко.

— Вы нарушаете мой процессуальный статус, — сказала я ровным голосом, глядя ей прямо в переносицу. — Либо вы вызываете пристава для фиксации отказа в доступе к правосудию, либо пропускаете меня. Выбор за вами. Но протокол я составлю сама. И он будет красочным.

Секретарь нахмурилась, бросила быстрый взгляд на дверь кабинета судьи и вздохнула. Она поняла: одним «не положено» от меня не отделаться. Я не кричала. Я просто требовала того, что мне причиталось по закону. Она задержала ладонь на ключах. Мне понравилась эта пауза: пусть хотя бы сейчас ей нужно будет решить, что делать со мной.

Пока она возилась с ключами, в коридор вышел адвокат Дмитрия. Высокий, в безупречном сером костюме, пахнувший дорогим парфюмом и уверенностью в своей безнаказанности. Он заметил меня и резко свернул в сторону, перехватывая у лифта. Его лицо исказилось от раздражения, которое он привык маскировать под профессиональную вежливость.

— Вера Андреевна, — понизил он голос, склоняясь ближе, так, чтобы никто не слышал. — Вы играете опасную игру. Если вы попытаетесь дать показания против моего клиента или распространять ложные сведения о его частной жизни, я подам встречный иск о клевете. У вас нет денег на хороших юристов. А у нас есть время и терпение.

Я посмотрела на него снизу вверх. От его галстука тянуло духами. Я шагнула к стене, освобождая немного воздуха между нами. Дрожь он всё равно увидит, если заглянет ниже папки.

— Ваш клиент сам подписал договор дарения квартиры на имя Марины Валентиновны, — произнесла я тихо, почти шепотом, но каждое слово резало воздух. — Этот документ теперь является ключевой уликой в уголовном деле о выводе активов через фиктивные сделки. Вы действительно хотите, чтобы я рассказала об этом следствию? Или предпочтете, чтобы это стало известно вашей коллегии?

Адвокат побледнел. Кровь схлынула с его лица, оставив после себя мертвенную бледность. Он спросил взглядом, откуда у меня договор, но вслух не спросил. Удобнее было пугать женщину, у которой ничего нет. Теперь приходилось думать о подписи собственного клиента.

Дверь открылась. Судья Егорова, женщина лет пятидесяти с пронзительными, колючими глазами, стояла на пороге. За её спиной виднелись фигуры прокуроров и защитников.

— Кто здесь? — спросила она, увидев меня в коридоре вместе с нервничающим адвокатом.

— Гражданка Волкова требует доступа на галёрку, — быстро отрапортовала секретарь, стараясь казаться нейтральной. — Но заседание закрытое, и списки...

— Она эмоционально нестабильна, Ваша честь, — вмешался адвокат, уже оправившийся от первого шока. — Это бывшая жена обвиняемого. Она может сорвать процесс, устраивать сцены, давить на свидетелей. Нам нужна тишина в зале, а не драмы.

Судья смотрела на меня с тем презрением, которое обычно резервируют для тех, кто не понимает своего места в иерархии. Её взгляд задержался на моём обручальном кольце. Я не спрятала руку. Пусть смотрит; кольцо ещё не заставляло меня молчать.

Именно в этот момент в конце коридора раздались шаги. Тяжелые, размеренные. Игорь Семенович. Старший следователь по экономическим преступлениям шел навстречу, держа в руках папку с документами. Он не останавливался, не здоровался громко. Просто подошел к судье и молча протянул ей верхний лист из папки.

Это была почерковедческая экспертиза подписей в договоре дарения. Та самая, которую мы ждали две недели. Без этого документа дело могло рассыпаться, а с ним — становиться железобетонным. Игорь придерживал лист за угол, пока судья не взяла его как следует. Я узнала номер экспертизы и наконец смогла вдохнуть глубже. Две недели ожидания — и вот она, у судьи в руках.

Судья пробежала глазами по бумагам. Ее губы сжались в тонкую линию. Взгляд метнулся на адвоката, потом на меня.

— Проходите, гражданка Волкова, — сказала она сухо. — Только сядьте на галёрке и не мешайте процессу. Ни единого слова, пока вас не спросят официально. Понятно?

— Абсолютно, — ответила я.

Мы вошли в зал. Воздух здесь был спертый, нагретым телами десятков людей. Сидящие обернулись, когда я появилась. Чувствовалось напряжение: они знали, кто я такая. Жена предателя. Или жертва предательства. В зависимости от того, кого спрашивать.

Дмитрий сидел в первом ряду рядом с адвокатом. Он выглядел плохо. Осунувшийся, с синяками под глазами, он избегал смотреть в мою сторону. Его руки лежали на коленях, сцепленные в замок. Казалось, он пытается удержать себя внутри собственного тела, боясь рассыпаться.

Рядом с ним, чуть позади, сидела Марина Валентиновна. Моя свекровь. Она не выглядела расстроенной. Напротив, ее осанка была царственной, как на сцене оперетты. Она поправляла манжеты рубашки сына, бросая на меня быстрые, оценивающие взгляды. В этих взглядах не было ненависти. Было удовлетворение игрока, который видит, как фишки противника начинают шататься. Она знала свой план. Она считала, что контролирует ситуацию.

Я прошла к задним рядам. Галёрка была скрипучей, деревянной скамейкой. Я села ровно, спина прямая, ноги вместе. Достала блокнот и простой карандаш. Никаких телефонов, никаких записей на диктофон. Только бумага и грифель.

Заседание началось. Процесс пошел своим чередом, монотонным гулом юридических терминов. Допросы свидетелей, чтение характеристик, вопросы сторон. Дмитрий молчал, отвечая односложно, когда его спрашивали напрямую. Адвокат пытался перевести стрелки на «технические ошибки подрядчиков», «недоразумения в бухгалтерии», «добросовестное заблуждение».

Марина слушала с полужакрытыми глазами, иногда одобрительно кивая, когда защита приводила очередной абсурдный аргумент. Они вдвоем создавали вокруг себя кокон иллюзии безопасности. Марина чуть улыбнулась сыну, когда адвокат произнёс «добросовестное заблуждение». Я записала это выражение. Заблуждение. Интересно, она употребляла его, когда принимала квартиру?

Дима поднёс воду к губам, но стакан стукнул о зубы. Адвокат наклонился к нему, затем быстро отстранился. Судья спросила о датах, и я перевернула страницу блокнота: вот здесь нужно слушать каждое слово.

Глава 7

В середине процесса свидетель обвинения, прораб строительной фирмы, начал путаться. Он рассказывал о сроках поставки дорогостоящих отделочных материалов для объекта, где работал Дмитрий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.